

УДК 316.752

DOI 10.19181/2227-8656.2020.1.12

**ПЕРСПЕКТИВЫ
ПРЕОДОЛЕНИЯ
ВОСПРОИЗВОДСТВА
СОЦИАЛЬНОГО
НЕРАВЕНСТВА В СЕМЬЯХ
РАЗНЫХ ТИПОВ**

Аперян Анна Валериевна

Аспирант,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: a.v.aperyan@yandex.ru

В данной статье рассматривается ряд причин, воспроизводимых в практиках семейной коммуникации, которые обуславливают воспроизводство социального неравенства в российском обществе. Это неполный набор ролевых взаимодействий в монородительских семьях и гендерная асимметрия. Проблема неполного набора ролевых взаимодействий частично преодолевается в семьях расширенного типа, и это должно быть учтено в семейной политике. Но особое внимание следует уделить гендерному фактору, так как именно гендерная асимметрия является важнейшим источником понижения ресурсных возможностей у семей определенного типа. Его преодоление возможно двумя путями: либо через укрепление традиционных семейных ценностей, либо на основе постепенного распада гендерных практик в условиях создания государства всеобщего благоденствия по скандинавскому типу.

**PROSPECTS
FOR OVERCOMING
REPRODUCTION
OF SOCIAL
INEQUALITY IN FAMILIES
OF DIFFERENT TYPES**

Anna V. Aperyana

Postgraduate student,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: a.v.aperyan@yandex.ru

This article discusses a number of reasons that are reproduced in family communication practices that determine the reproduction of social inequality in Russian society. This is an incomplete set of role interactions in single-parent families and gender asymmetry. The problem of an incomplete set of role interactions is partially overcome in extended families, and this should be taken into account in family policy. However, special attention should be paid to the gender factor, since it is the gender asymmetry that is the most important source of reducing resource opportunities for families of a certain type. It can be overcome in two ways: either through the strengthening of traditional family values, or through the gradual disintegration of gender practices in the context of the creation of a Scandinavian-style welfare state.

Ключевые слова: семья; социальные ресурсы семьи; качество семейной коммуникации; гендерная асимметрия; монородительские семьи; социальное неравенство; семейная политика.

Keywords: family; social resources of the family; quality of family communication; gender asymmetry; single-parent families; social inequality; family policy.

Введение

В настоящее время российская семья начинает препятствовать основным тенденциям социального развития, в числе которых нам бы хотелось обратить внимание на соответствие сложившейся модели социальной стратификации реальным способностям носителей социальных статусов приносить пользу обществу. Это может быть возможным в условиях свободы перемещения в социальном пространстве, наличия в социуме каналов, обеспечивающих все необходимые разновидности социальной мобильности, причём не только восходящие, но и нисходящие. Свободное перемещение по существующим социальным стратам представляется важным для того, чтобы формальная социальная иерархия отражала иерархию способностей социальных акторов, влияя, таким образом, на порядок замещения мест в социальной стратификации. Это важно не только для соблюдения принципа социальной эффективности, что очевидно, но и не в меньшей степени для воплощения в общественных отношениях социальной справедливости. Тем более что указанные принципы выступают двумя сторонами одной медали, поскольку общество, где системно нарушается справедливость, едва ли может быть эффективным, так как оно подрывает веру социального актора в его возможность реализовать собственные таланты и устремления.

В контексте определенной проблемы мы ставим перед собой цель оценить перспективы трансформации роли современной российской семьи в воспроизводстве социального неравенства, ориентируясь на комплекс причин эндогенного характера как источников появления семей с ограниченным набором ресурсов.

Основная часть

При объяснении возникновения такого рода семей мы обратили внимание на то, что в монородительских семьях качество коммуникации снижается из-за *неполного набора ролевых взаимодействий*.

Это существенная проблема, возникающая вследствие того, что матери или отцу, исполняя роль единственного родителя, приходится играть ряд несвойственных в рамках устоявшихся традиций ролей. Это приводит к снижению их ролевого качества: и в силу непривычности, связанной с выходом за культурно predetermined рамки поведения, и в силу отсутствия необходимого для качественного исполнения

ролей времени. В итоге имеет место деформация семейных функций: хозяйственно-экономической, досуговой, коммуникативной, воспитательной. Именно тех, которые во многом зависят от ресурсов, располагаемых родителями. Здесь же мы имеем заметное снижение ресурсов по сравнению с показателями среднестатусных семей. Поэтому можно говорить о дефиците ресурсов. Это прежде всего дефицит времени. Одному родителю требуется больше уделять внимания зарабатыванию средств для семьи, работе по дому, решению семейных проблем, которых кумулятивно на одного родителя больше, чем на двоих. Это также дефицит экономических ресурсов, так как, как правило, монородительские семьи представляют собой семьи материнские, а возможности женщин в качестве добытчиков обычно меньше, чем у мужчин. Кроме того, можно вести речь о дефиците общения, плавно вытекающем из двух определенных выше ресурсных дефицитов. Родителю приходится выбирать время для того, чтобы тратить его на решение более приоритетных задач. Общение с ребенком, жизненно необходимое для формирования социальных ценностей, ролевых моделей, правил поведения, отходит на второй план.

Говоря о монородительских семьях в контексте решения их проблем, специалисты, как правило, призывают к расширению адресованной им социальной помощи. Это действительно очень важно. Главный результат такой помощи будет заключаться в том, что она позволит решить системную проблему такого рода семей: отсутствие необходимого экономического фундамента для перехода в категорию среднестатусных. Однако здесь есть ряд трудностей, которые нельзя не учитывать, так как речь идет о вполне конкретной семейной политике и помощи адресной, нацеленной на совокупность определенного типа семей. Следовательно, нельзя сделать вывод общего характера без учета того, что требуется изменить в обществе и государстве для его реализации на практике.

Во-первых, резкое увеличение объема социальных ресурсов в адрес монородительских семей может привести к дальнейшему росту их количества. Подтверждающая этот вывод статистика имеется на примере других стран, где возрастание масштабов социальной поддержки монородительских семей пропорционально увеличивало их количество. Так, в настоящее время в Финляндии 37 % семей с одним родителем, в Великобритании – 38, в Швеции – 54, Исландия – 64 % (Верещагина, 2018). Особенно заметно это на примере Швеции и Исландии, где социальная поддержка наиболее уязвимых социальных слоев находится в приоритете государственной политики. Надо полагать, что

разработчики соответствующих программ развития, которые принимаются в нашей стране, владеют данными цифрами и понимают потенциальные перспективы расширения социальной помощи. Поэтому возникает вопрос о готовности Российского государства принимать на себя соответствующие обязательства на постоянной основе.

Во-вторых, мы убеждены, что власть имеет иные целевые акценты для развития. Сейчас социальная политика Российского государства достаточно широка с точки зрения определяемого количества объектов поддержки, но глубина этой помощи направлена на удовлетворение базовых, первоочередных потребностей и не имеет потенциала вывести монородительские семьи на новое качественное состояние. В основном власть расходует ресурсы на оборону, высокие технологии, непомерно раздутый управленческий аппарат. Видимо, расчет заключается в том, чтобы создать систему государственного капитализма, где главными источниками развития станут ресурсы и военная индустрия. Именно это легко находит сбыт на внешних рынках через соответствующих агентов государственной власти, в обход развития рыночных отношений. Семья в этих планах высших чиновников располагается далеко за пределами обозримого внимания.

Суммируя, мы можем сказать, что расчет современных социологов на то, что власть переменит свою политику в отношении семьи, едва ли оправдан. Качественно она останется такой, какой была создана в начале нулевых годов. Поэтому социальным акторам остается надеяться лишь на себя. Ресурсный потенциал семей, особенно монородительских, существенно повышается, если в них проживает третье поколение – родители родителей. Это четко прослеживается через самопрезентацию социального статуса теми респондентами, в детстве которых активное участие в их жизни принимали не только родители, но также бабушки и дедушки. В связи с этим проблема неполного набора ролевых взаимодействий может быть частично решена, если в современном российском обществе будет поддерживаться на уровне артикуляции семейных ценностей совместное проживание трёх поколений. Если в полных семьях это может порождать определенного рода сложности межпоколенного взаимодействия, то в монородительских они окажутся уже не столь актуальными.

И, наконец, оценим перспективы трансформации роли современной российской семьи в воспроизводстве социального неравенства в контексте влияния на семейные отношения *гендерной асимметрии*.

Гендерное неравенство является фактором, порождающим социальное неравенство. И речь идет не столько о том, что мужчинам в

этом мире проще получить высокий социальный статус, чем женщинам, сколько о более низком вкладе матери в социальный статус ребенка по сравнению с вкладом отца. Это является отражением доминантных установок в российском социуме на патриархальные ценности. Иными словами, в тех семьях, где отсутствует отец или где его статусные характеристики заметно ниже матери, ресурсные возможности заметно ухудшаются, и это становится важнейшим источником формирования низкостатусных семей (Сажина, 2016).

В мировой практике сложились два основных подхода к обеспечению гендерного равенства.

Один из них связан с феминистическим движением. Феминизм в своем развитии прошел несколько этапов, каждый из которых имел отличительные и характерные только для него цели (Гарифзянова, 2018). В наше время его целевые ориентиры направлены на достижение гендерного равенства, что в конечном итоге представляет собой намерение ликвидации гендера как социокультурного феномена. Примечательно, что феминизм такого рода получил наибольшее развитие в экономически развитых странах. Это является в высшей степени показательным, так как именно в них обнаружилось максимально выраженное преодоление роли традиционных ценностей в общественном сознании. Если далее говорить о духовных факторах, то феминизм нашел поддержку в трех ценностных системах современности: свободе, рационализме и индивидуализме. Именно их влияние сделало возможным начало процесса преодоления гендерного неравенства. Освобождение сознания от традиционных установок на социальную деятельность, от бремени гендерных стереотипов поставило возможность достижения социального статуса в зависимости от личных ресурсов социального актора, в структуре которых ведущее место занимают не социальный пол и связанные с ним поведенческие паттерны, а социальная активность, личностная мотивация, обладание уникальными знаниями и возможностями, высокая степень профессионализма и способность отвечать по своим обязательствам. Эти качества в обществах позднего модерна стараются больше не связывать с гендером.

В высокоразвитых современных обществах это ещё не столько реальность, сколько устойчивая тенденция развития. Однако едва ли это можно сказать о российском социуме. У нас в общественном сознании складывается скорее обратная линия развития: от стремления к гендерному равенству в 90-е гг. к традиционализации гендерных ролей в последние два десятилетия. Трудно сказать, является ли это результатом активной политики власти, целенаправленно воздействующей на

социальные ценности с точки зрения принятия обществом традиционных норм поведения, или это отражает естественный процесс адаптации социума к имеющимся у него возможностям. Мы склонны принимать оба объяснения, но за вторым видим приоритет. На самом деле современной женщине в России крайне трудно реализовывать себя в социуме, где имеют место экономическая стагнация, деградация гражданского общества, авторитаризм в качестве базового принципа управления. Куда проще принять устоявшиеся веками поведенческие практики и переадресовать ответственность за принимаемые решения и участие во внесемейных социальных интеракциях мужчинам, которых обязывает к этому гендерный императив (Сажина, 2015. С. 21).

Второй подход связан с опытом построения в странах Северной Европы так называемого шведского социализма. По базовому внешнему проявлению он обладает формальными сходствами с происходящими социальными процессами в современной России. Речь идет о концентрации ресурсов в органах государственной власти для повышения потенциала государства как участника перераспределительных отношений. Однако на этом сходство заканчивается. Если в нашей стране непонятны социальные мотивы этого перераспределения (имеется альтернатива в виде самоорганизации социальных акторов на началах свободы и рационального выбора), то в Швеции, Норвегии и Дании идеологией выступают социал-демократические ценности. В их основе лежит политика выравнивания различий, включая различия гендерного характера. Для достижения этой цели государство действует как коллективный *pater familias*. Оно принимает на себя особые обязательства по обеспечению всех уязвимых социальных слоев населения, включая женщин, если они воспитывают своих детей самостоятельно, без отцов. В Скандинавских странах сложилась мощная система социальной поддержки семьи. Она включает в себя пособия на детей, специальные пособия для одиноких родителей, налоговые льготы (Rønsen, 2015). Причем размер пособий достаточно большой, позволяющий компенсировать потери заработка как отца, так и матери, независимо от того, кто остается ухаживать за ребенком в декретный период. Так, пособие на одного ребенка в Норвегии составляет 10 126 крон (72 198,4 р.), в Швеции – 8223 (54 271,8 р.), в Дании – 7459 крон (71 308,04 р.) (Соснова, 2003. С. 16). Если детей несколько, то на каждого выплачивается отдельное пособие до наступления их совершеннолетия. Для родителя, воспитывающего ребенка без помощи отца (матери), либо выплачивается отдельное пособие, либо увеличивается коэффициент общего пособия на ребенка.

Цель этой политики заключается в том, чтобы ликвидировать экономическую зависимость женщины от мужчины (Кавеев, 2009).

Выводы

Негативное влияние рассмотренных условий возможно преодолеть через непосредственное воздействие на сознание социальных акторов в практиках семейной коммуникации. Проблема неполного набора ролевых взаимодействий, характерная для монородительских семей, частично преодолевается в семьях расширенного типа, и это должно быть учтено в семейной политике. Но особое внимание следует уделить гендерному фактору, так как именно гендерная асимметрия является важнейшим источником понижения ресурсных возможностей у семей определенного типа. Его преодоление возможно двумя путями: либо через укрепление традиционных семейных ценностей, что предполагает создание условий для самостоятельного решения социальными акторами всех возникающих материальных и иных сложностей, либо на основе постепенного распада гендерных практик в условиях создания государства всеобщего благоденствия по скандинавскому типу. Потенциально в российском социуме эта модель может быть реализована. Она, правда, идет в диссонанс с традиционализацией сознания, но вполне органично соответствует концепции патерналистского государства, которая используется и в Скандинавских странах. Другое дело, что скандинавский патернализм основан на принципиально иных идеологических константах. Но надо понимать, что куда проще изменить идеологию, чем отношение к власти. Тем более что опыт 90-х гг. показывал готовность к трансформации гендерного мышления, прежде всего у женщин. Но для этого необходимо сформировать соответствующий экономический базис, существенно увеличить объемы социальной помощи и сменить идеологические векторы развития семейных ценностей. Только при наличии этих трех условий применительно к российскому социуму появятся основания рассуждать о перспективах преодоления гендерной асимметрии как фактора, воспроизводящего гендерное неравенство в практиках коммуникации семей определенного типа.

Литература

Верещагина А.В., Ковалев В.В., Самыгин С.И. Неоматриархат в условиях кризиса патриархальной семьи: становление новой гендерной картины мира // Гумани-

References

Vereshchagina, A.V., Kovalev, V.V., Samygin, S.I. (2018). Neomatriarchy in the conditions of the Patriarchal family crisis: formation of a new gender picture of the world. *Gumani-*

тарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 3. С. 13–18.

Гарифзянова А.Р., Мукминова А.Г. Феномен феминизма в социально-историческом контексте // *NovaUm.Ru*. 2018. № 13. С. 35–40.

Кавеев К.А., Пазинич Н.В. Политика гендерного равенства в Скандинавских странах // *Управленческое консультирование*. 2009. № 4. С. 52–56.

Сажина Л.В., Ковалев В.В., Петрова М.В. Гендерный анализ современных моделей поведения студенческой молодежи: прикладное исследование // *Инженерный вестник Дона*. 2015. Т. 35, № 2.1. С. 21.

Сажина Л.В., Ковалев В.В., Петрова М.В. Проблемы готовности современной российской молодежи к созданию семьи: идеальные и реальные поведенческие модели // *Инженерный вестник Дона*. 2016. Т. 40, № 1. С. 37.

Соснова Е.В. Семейные пособия: международные нормы и зарубежный опыт. М.: Просвещение, 2003.

Rønsen M. Fertility and Family Policy in Norway – A Reflection on Trends and Possible connections // *Demographic Research*. 2015. Vol. 10. Article 10. Available at: <http://www.demographic-research.org/volumes/vol10/10/>.

tarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki, 3, 13-18. (in Russian).

Garifzyanova, A.R., Mukminova, A.G. (2018). The Phenomenon of feminism in the socio-historical context. *NovaUm.Ru*, 13, 35-40. (in Russian).

Kaveev, K.A., Pazinich, N.V. (2009). Gender equality policy in Scandinavian countries. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye*, 4, 52-56. (in Russian).

Sazhina, L.V., Kovalev, V.V., Petrova, M.V. (2015). Gender analysis of modern behavior models of student youth: applied research. *Inzhenernyy vestnik Dona*, 35, 2.1. (in Russian).

Sazhina, L.V., Kovalev, V.V., Petrova, M.V. (2016). Problems of readiness of modern Russian youth to create a family: ideal and real behavioral models. *Inzhenernyy vestnik Dona*, 40, 1. (in Russian).

Sosnova, E.V. (2003). Family allowances: international norms and foreign experience. М.: Prosveshcheniye. (in Russian).

Rønsen, M. (2015). Fertility and Family Policy in Norway - A Reflection on Trends and Possible connections. *Demographic Research*, 10, 10. Available at: <http://www.demographic-research.org/volumes/vol10/10/>.

Поступила в редакцию

21 октября 2019 г.